

Ирина Малаховская-Пен

Кармический кредит

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
М18

Малаховская-Пен И.

Кармический кредит / Малаховская-Пен И. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 187 с.

ISBN 978-5-532-97767-9

Магия существует. Она повсюду. Но никогда детектив Денисов не думал, что магия войдёт в его жизнь и перевернёт её с ног на голову. Безжалостно лишит Денисова скепсиса и уверенности в завтрашнем дне, но подарит любовь и новых друзей. Содержит нецензурную брань.

Апрель 2010

Денисов потянулся. Отхлебнул кофе. Протер очки. Открыл ящик стола. Перебрал в ящике бумаги. Взял ручку. Положил. Больше отвлечься было не на что. Пауза становилась всё тяжелее. Денисов набрал воздух в легкие, выдохнул и заговорил:

– Но ведь это был несчастный случай.

– Это был теракт.

– Я не об этом...

Собеседница была на первый взгляд совершенно обычной. Хорошо одетой и с глазами голодной собаки. А может не голодной? Может побитой? Черт их знает, этих собак с их несчастными глазами. Тьфу. Женщин! Женщин, конечно, не собак. Они в основном приходили в этот кабинет именно с такими глазами. Темными, влажными, печальными. Правда причины, которые приводили их к частному детективу, были не такими затейливыми, как у сегодняшней клиентки. В большинстве случаев требовалась банальная слежка за мужем. Прекрасные, трогательные, хорошо одетые барышни маялись дома от скуки, и своим маетным состоянием ухитрялись наскучить хорошо зарабатывающему супругу. Супруг начинал тяготиться семейным счастьем, вздыхал, сопел, и принимался коситься налево. Слева, как водится, барышни были более интересными. Глаза у них не темнели печалью, а горели любопытством и жадностью. К сексу, к общению, к мужчинам, к красивой жизни. Как правило, мужчина перед этой жадностью оказывался бессилен. Неустойчив. И без боя сдавался в плен. Жена, даром, что скучала и тупела дома, своим шестым чувством наличие любовницы сразу улавливала. И, без тени сомнения, принимала решение установить за мужем слежку. Так и оказывались они в конторе Игоря Денисова. Приносили деньги неверного мужа и умоляли выследить мерзавца, которому были отданы лучшие годы. Непременно лучшие! Таким образом, неверный муж, сожравший лучшие годы печальной красотки, сам оплачивал компромат на себя. Нет, Денисов мог бы включать психолога, объяснять барышням, что они вполне в состоянии вдохнуть новую жизнь в свои союзы с мужьями. Увлечись чем-то интерес-

ным, стать для них новыми, и, как следствие, опять привлекательными. Но деньги Игорь получал не за сеансы психологии. К сожалению, или к счастью, деньги он получал за частную детективную деятельность. Частью которой, очень простой частью, была слежка за неверными мужьями. А иногда и за женами. Поэтому Денисов не делал попыток отговорить клиентов от такого постыдного дела, как слежка. Брал деньги. Следил. Предоставлял доказательства. Часто – неверности, редко – верности и порядочности. Это были самые приятные дела для Игоря. И деньги получены, и новости для клиента хорошие. В такие дни Денисов чувствовал себя чуть ли не ангелом-хранителем. Ещё бы. Семья, скорее всего, не развалится. Да, вряд ли что-то изменится к лучшему, скорее всего, так и будут жить по инерции вместе. Не особо счастливо, но вместе. Поэтому, приносить хорошие новости клиентам, а особенно клиенткам, Денисов очень любил. Несмотря на прошлое опера и настоящее частного детектива, добрым человеком был Игорь Денисов. Добрым и отзывчивым.

Однако, всему есть границы. Сейчас Игорь потихонечку начинал закипать. Когда она вошла, прекрасная и печальная, Денисов на мгновение почувствовал какое-то подозрительное шевеление в подложечной области. Верная интуиция, без которой сыщику делать нечего ни в государственной структуре, ни в частной, тихонько толкнула его. Но внешность женщины успокоила. Разум расслабленно шепнул: «не дергайся, пришла очередная несчастная жена». Черт его знает, почему Денисов поверил не чутью, а разуму. А зря. Рано радовался. Женщина оказалась с сюрпризом. Потратив почти час на то, чтобы выслушать какую-то бредовую историю, Денисов так толком ничего и не понял. Кроме того, что дамочка вдова, муж её погиб в нашумевшем мартовском теракте в метро, и теперь она требует с него, с Игоря, какое-то расследование. Он бы послал её сразу. К психиатру, например. Но останавливало то, что расследование требовалось не по поводу гибели как таковой. Тут вроде вопросов не было. Вот только барышня утверждала с маниакальным упорством, что её мужа, Александра Коваленко, не должно было быть в тот момент в метро. Он, якобы, знал, что погибнет. Правда, должен был погиб-

нуть ещё пятнадцатого марта. По причине этих скорбных знаний, муж запер себя в клинике. В четырех мягких стенах. Отказывался даже выходить на улицу. Раз в неделю, по субботам, Катя – так представилась посетительница – навещала супруга. И двадцать седьмого была. Привезла всё, что просил. Пообщались. Простились до следующей субботы. А во вторник, тридцатого марта, Кате позвонили и казённым голосом пригласили на опознание тела.

– Катя, простите, Вы повторяетесь. – Игорь вздохнул. – А я так и не понял, чем я могу Вам помочь.

– Я пытаюсь объяснить. Мне непросто. Прошло не так много времени. Пожалуйста, выслушайте меня.

– Так я слушаю. Но мы с Вами уже час почти вокруг да около ходим, и никуда не продвинулись. То, что это был несчастный случай...

– Теракт.

– Простите, теракт. Тут вопросов быть не может. Это мы выяснили. Так?

– Так. Это я понимаю, Вы не думайте.

– Ну а в чём же проблема тогда? Человек погиб. В результате теракта. Тело вы опознали. Это был Ваш муж. Верно?

– Да. Всё верно. Это был он. – Катя всхлипнула, прижала скомканный платочек к губам. Но поток слёз сдержала. В том, что именно поток, Денисов не сомневался. Её карие глаза буквально тонули в слезах, но она не позволяла себе расплакаться. Возможно, кто-то в детстве, мама или папа, учили её, что на людях стыдно проявлять эмоции. Воспитание, ёб вашу мать. Игорь поморщился.

– Катя, зачем Вы сдерживаетесь?

– Что? – Она подняла свои тонущие глаза.

– Не надо сдерживать слёзы. Хочется плакать – плачьте.

Денисову вдруг стало остро жаль эту странную бабу. Сколько ей, интересно? Лет тридцать? Сорок? Как тут понять, когда человек согнут горем в три погибели. Сжат. Сморщен.

– Да я устала уже плакать. Всё плачу, плачу. Вот и стараюсь не плакать. Я сначала не поверила, конечно. Ну, какое опознание? Я знала, Саша в больнице. Уверена была. Потом... Потом всё-таки

решила проверить. Позвонила зав отделением. Он сказал, что Саша ушел в субботу вечером. Сказал, что у него дела. Какие дела? На работе я сама справлялась. Всё, что просил – привозила. Я... Знаете, я даже закричала на доктора. Зачем же вы егопустили?! Испугалась очень. Что тот... с казенным голосом сказал правду. Что надо опознавать. Тело...

Она снова всхлипнула. Господи, вот мучение. Ну, ладно. Что теперь. Никаких дел у Игоря не было. Денисов свободен сегодня, как ветер в поле. Ну, послушает ещё историю про психушку, опознание, и прочие странности. Куда её посылать, такую? Она вон не может связно объяснить, что хочет от него, от Денисова.

– Так. Вы кричали на врача. А он что? Зачем он отпустил Вашего мужа?

– Да-да, простите. Ну, и он мне ответил. Знаете, мягко так. Наверное, привык не реагировать на истерики. В силу профессии. – Тут она усмехнулась, и Денисову стало не по себе. – Он мне спокойно и совершенно справедливо ответил, что Саша сам туда лёг. К ним. За свои собственные деньги. Заперся, можно сказать. Спрятался. И имел полное право в любое время так же свободно уйти, как пришел. Я тогда собралась и поехала туда, куда мне сказали по телефону. В мо... в морг. И там был он. Саша. Знаете, он даже не пострадал на первый взгляд. Его просто отшвырнуло и ударило о стену. Там внутренние повреждения и сердце остановилось. А внешне... как живой. Но это был он, без сомнения. И документы при нем. И это так странно. Вся эта история...

История, да. За прошедший час эту историю Денисов уже слышал. Кажется, даже не один раз. Не особо вникал. Но примерно понял. Что в клинике Саша Коваленко в марте десятого года запер себя не случайно, а по причине панического страха. Потому, что по всем подсчетам выходило, что в середине марта, а именно пятнадцатого числа, он должен был умереть. Потому, что раз в десять лет в их семье умирают мужики, и каждый следующий раз умерший на десять лет моложе, чем предыдущий. Никто не знает, кроется ли в этом какая-то тайна. Есть ли у всей этой истории какое-то проклятие. Или нет никакого проклятия. Или в чём тут дело. Но факт остается

фактом. Как началось всё с Сашиного деда, утонувшего на рыбалке пятнадцатого марта тысяча девятьсот семидесятого года, так и продолжалось... В марте семидесятого стояли морозы, продолжался сезон зимней рыбалки. Лёд на озере в подмосковной деревне таять не собирался, и рыбалка ничем не грозила. Однако же домой дед не вернулся. А после тело его было найдено в озере под коркой толстого льда. Кроме маленькой лунки для ловли рыбы никаких сломов или проталин на озере не оказалось, и было непонятно, как опытный рыбак вообще попал под лёд. Деду Андрею было семьдесят пять. На здоровье он не жаловался. Ну, погоревали, похоронили да стали жить дальше. Пока спустя десять лет, ровно пятнадцатого марта, день в день, не погиб Сашин отец в возрасте шестидесяти пяти лет. На трассе отказали тормоза у старенького жигуленка, и машина лоб в лоб сошлась с камазом. Конечно, это тоже было странно. Водитель камаза, слегка поцарапавший лицо в той, смертельной для Сашиного отца, аварии, утверждал, что дорога была свободна и столкновения вполне можно было избежать. Но жигули на большой скорости почему-то резко повернули на встречу, а увести камаз от аварии не такое простое дело. Он просто не успел. Результат: разбитый лоб у водителя камаза, жигули всмятку, водитель погиб на месте. На похоронах с закрытым гробом родственники начали перешептываться. Ровно через десять лет. Ровно на десять лет моложе. Ровно пятнадцатого марта. Но потом и это забылось. А Саша, которому в тот момент было всего пять лет, просто очень горевал по поводу папиной смерти, и ни до каких странностей ему не было равным счётом никакого дела. Потом в марте девяностого года умер старший Сашин брат. По отцу. Матери у братьев были разные. Разница в возрасте у братьев была огромная, они сроду не общались. Но через многочисленных тетюшек, родных и двоюродных сестер отца и его постаревших друзей, Сашина мама узнала об этом. Брат умер в возрасте пятидесяти пяти лет от сердечного приступа. Был он спортивным, непьющим и некурящим и своей смертью, говорят, удивил и огорчил всех родных и близких. Саша ничего особенного не почувствовал от смерти какого-то там далекого абстрактного старшего брата. А вот мама Саши отреагировала странно. Она пристально посмотрела на

сына и сказала: «Не нравится мне всё это, ох не нравится». Саша был поздним ребенком не только у отца, но и у мамы. Поздним и единственным для неё. Ей было почти сорок, когда Саша родился. А отцу так и вовсе шестьдесят.

Когда Саше спустя ещё десять лет исполнилось двадцать пять, он женился на Кате, жил с женой отдельно от мамы, и радовался, как любой новобранец-молодожён. В марте месяце грянул гром. Позвонила мама и велела срочно приехать. Мама была уже немолода, и Саша бросился к маме со всех ног. Верная жена последовала за мужем своим. Они были встревожены не на шутку. Оказалось, что мама физически в полном порядке. А вот эмоциональное состояние мамы оставляло желать лучшего. Пятнадцатого марта погиб последний Сашин брат. Ему накануне исполнилось сорок пять. Он упал с балкона на двенадцатом этаже. Курил. Не удержал равновесия? Кто-то толкнул? Решил свести счёты с жизнью? Никто ничего не знает, но факт остается фактом. Мама буквально оглушила Сашу своими выводами. Что цепочка смертей не рвется, начиная с деда, утонувшего в семидесятом году. И что следующий он, Саша. Через десять лет, пятнадцатого марта. Саша жёстко ответил маме, что это всё бабские бредни. Она тогда достала листок бумаги, на который, оказывается, записала с прошедшего случая все эти смерти. Достала ручку и дописала большими буквами «Илья Коваленко, сорок пять лет, дата смерти 15.03.2000. Причина смерти: выпал с балкона, разбился». Протянула листок Саше. И сказала: «сынок, я не могу ничего с этим поделать. Но я могу тебя предупредить. А ты уж решай сам, как тебе дальше быть».

Они с Катей тогда вернулись домой пришибленные. Не разговаривали весь вечер. Листок со страшной схемой Саша не выбросил. Он убрал его в книгу на полку. Десять лет пролетели быстро. Восемь лет назад у них родилась дочь. Саша открыл агентство недвижимости. Потихоньку работали, растили ребёнка и о том визите к маме больше не заговаривали. Да и мама молчала. Как будто и не было ничего. С отцовскими сестрами, которых осталось всего две, Саша отношения поддерживал. Старался помогать. Но на тему странных смертей мужиков в роду Коваленко они не разговаривали. Кто знает,

может тётки думали об этом, провожая Сашу за дверь. Может тайком крестили его вслед. Они любили его, Саша теперь был их единственным племянником. Но вслух никто ничего не говорил. Однако, Катя чувствовала, что эта тема висит в воздухе. Незримо, едва ощутимо, но витает, летает, прячется в углах квартиры. Когда родилась дочка Рита, Саша выдохнул, заулыбался. Так очевидно обрадовался, что не сын, что Кате даже стало жутковато. На УЗИ давно подтвердили, что будет девочка. Но успокоился окончательно он только тогда, когда ребенка принесли домой и Саша своим глазами увидел, что это и правда девочка. Так и жили. Дочку любили, растили. Денег хватало. А потом наступил новый, две тысячи десятый год. И Саша потерял покой. Здоровый тридцатипятилетний мужик вел себя, как истеричная баба в климаксе. Срывался на всех дома и на работе, начал пить. Катя не знала, чем помочь мужу, и от этого чувствовала себя ужасно. Да и чем тут можно помочь? Непонятно откуда взявшаяся, неизвестно реальная ли, угроза висит над головой, как гильотина. Но висит же. Неважно, что нет никаких фактов о том, что это вообще такое. Точно ли это случится. С чего это началось. Кто навлѐк эту беду на них. Кто задался целью истребить всех мужиков в их роду, да ещё в такой ритмичной последовательности? Один раз муж, напившись по недавней привычке, еле шевеля языком сказал, листая фотографии в телефоне:

– Одно радует. Я умру и всё закончится. Цепь разорвѐтся.

На все попытки жены поддержать разговор Саша никак не отреагировал. Добавил коньяку до полной отключки и почти ползком отправился спать. А спустя какое-то время, в конце февраля, он пришел домой трезвый и почти не злой, и спросил Катю:

– Справишься в агентстве сама?

– О, Господи, ты опять...

– Да погоди ты. Я не о том. Просто скажи: справишься?

– Ну, справлюсь. Справляюсь же как-то, пока ты шары заливаешь.

– Надо не как-то. Надо нормально справляться. Нет, ну я тебе по возможности помогать буду. Дистанционно, так сказать.

– Дистанционно... откуда?

– Из клиники. Я решил: лягу в клинику. В отдельную палату. С мягкими стенами. За пребывание там нужно будет платить, но я нашёл настолько бюджетный вариант, насколько это было вообще возможно. Я не могу избежать смерти. Попробую от неё спрятаться.

– Слушай, твой старший брат умер от сердечного приступа. Как тебе в таком, например, случае поможет изоляция в клинике?

– Там будет браслет на мне, передающий данные на пост медсестре. И кнопка вызова.

– Ты туда ложишься медсестер кнопкой вызывать?

– Ха-ха. Ты у меня очень остроумная. В общем, в случае чего меня откачают. Очень постараются откачать.

– Ты точно решил, Саш?

– А у меня есть варианты?

– Ну, я не думаю, что это вариант. Но я тебя понимаю. И поддержку.

– Как всегда?

– Как всегда.

Саша с благодарностью обнял жену, как-то даже повеселел, и двенадцатого марта, в пятницу, передав ей дела в агентстве полностью, лёг в клинику. В мягкие стены. Под замок. Сроки, которые он будет там находиться, никто не обговаривал. Пока неопределенное время должен был находиться. До тех пор, пока он чувствовал угрозу своей жизни. Катя навещала Сашу по субботам. Собственно, успела навещать всего два раза. Оба раза одна. Собиралась как-то объяснить всё дочке и взять её с собой в следующий раз. Рита очень скучала по отцу. А теперь этого следующего раза не будет. Саша умер. Погиб. Тело опознано. Похороны прошли в кругу семьи. Цепь разорвана. Некому бояться. Мужчин в роду Коваленко больше нет. У одного из старших братьев взрослая, если не сказать, пожилая уже, дочь. У второго детей не случилось. А у неё, у Кати, несчастная Ритка. Которая не выходит из своей комнаты с дня похорон отца, и всё плачет, плачет. Катя бы и рада её успокоить, но как? Чем тут можно успокоить?

Денисов тоскливо посмотрел на свой стол, словно присматривая, чем бы ещё себя занять. На что ещё отвлечься от этой нахлынувшей